

Философские основания либеральной идеологии

Сейчас в мире существует множество разнообразных течений и направлений либеральной мысли, которые порой вступают друг с другом в ожесточенную полемику. Мне кажется, было бы интересно и важно попытаться понять глубинные, философские основания, на которые опирается всякий либерализм.

1. *Человек*. – По-видимому, одним из важнейших вопросов, которые должна разрешить организация человеческой жизни, является вопрос о взаимоотношениях коллектива и индивида, о соотношении племени, народа, государства и личности. Возможные решения этого вопроса укладываются, в общем, в известную философскую альтернативу: элементаризм или холизм. Что важнее, что более ценно, что должно быть отправным пунктом теоретических построений – часть или целое, элемент или система? Размышляя о желанном общественном устройстве, многие мыслители приходили к убеждению в том, что высшей ценностью является человеческая личность – ее самовыражение, ее благополучие, ее свобода и счастье, а общество должно лишь предоставлять возможности для творческого проявления личности. Как мне представляется, именно это убеждение является стержнем либеральной идеологии.

Что же представляет собой человек – этот фундаментальный элемент онтологии либерализма? Как говорит наш известный философ Л.Б.Макеева, парадигмальным выражением современной либеральной философии является концепция Джона Ролза, представленная в его книге «Теория справедливости», опубликованной в 1971 г. Дискуссии современных англо-американских либералов вращаются, в основном, вокруг идей, высказанных Ролзом. Я опираюсь на книгу «Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон» (пер. с англ. Л.Б.Макеевой. М., 1998).

Ролз предлагает нам представить гипотетическую ситуацию, в которой индивиду предоставляется возможность выбрать принципы справедливого социального устройства. В этой исходной ситуации все индивиды равны и равно свободны. Для обеспечения максимально полного равенства и беспристрастности участников этого, так сказать, «общественного договора», Ролз вводит допущение, которое называет «*покровом неведения*»: люди, выбирающие принципы справедливости, ничего не знают о том, каково их социальное положение и какими они наделены способностями, поэтому они не представляют себе, какое место в жизни могут занять.

Мы привыкли считать – и это согласуется с реальным положением дел, - что каждый человек, живущий на земле, принадлежит к какому-то народу, усвоил в качестве родного какой-то национальный язык, впитал определенную культуру, нормы общежития, стандарты поведения и т.п. Есть испанцы и китайцы, австралийские аборигены и немцы, русские и готтентоты, японцы и арабы. Но, как мы видим, либерализм говорит об индивиде вообще – о человеке, лишенном каких-либо национальных и культурных черт. Ясно, что такой индивид представляет собой абстракцию, это какой-то «человек вообще». Как раз «покров неведения» Ролза отчетливо выражает абстрактный характер индивида либерализма. Да и другие либеральные авторы настойчиво исключают из рассмотрения религиозные, нравственные, ценностные ориентации людей, способные ограничить их свободу и повлиять на выбор принципов справедливости. В итоге индивид либерализма становится похож на материальную точку классической механики – он столь же абстрактен. У него остается лишь одно свойство – он свободен в преследовании своих целей. При таком понимании индивида общество оказывается лишь пространством, в котором индивиды проявляют свою свободу. Все это напоминает атомы Демокрита, носящиеся в пустоте: индивидуальные атомы носятся в социальном пространстве, а общество в лице государства следит лишь за тем, чтобы они не сталкивались.

Удивительно, что либеральные мыслители совершенно не замечают, кажется, внутренней противоречивости своего представления о человеке. Если мы лишаем нашего индивида всех национальных, культурных черт и связей, то что от него остается? – Не более чем биологический организм, животное, руководствующееся в своем поведении биологическими инстинктами. Но разве животное свободно? Оно свободно в том смысле, что свободно следует своим инстинктам, но это не *свобода человека*. Свободный биологический организм либерализма – это нонсенс.

2. *Общество*. – Представители экономического либерализма вносят дополнительные краски в абстрактный портрет индивида и наделяют его некоторыми реальными жизненными чертами. Известный экономист Милтон Фридман представляет себе человеческое общество как один огромный рынок, на котором люди обмениваются товарами и услугами. Индивид для Фридмана уже не просто свободный атом, он еще и товаровладелец. Товаром может быть все что угодно: знания, умения, земля, завод, рабочая сила, новая идея и т.д. Все отношения между людьми сводятся к товарно-денежным отношениям. Краеугольным камнем рынка является частная собственность. Ну, конечно, если общество – это рынок, то каждый человек включается в это общество либо как продавец, либо как покупатель. Но чтобы что-то продать, нужно этим владеть, поэтому каждый человек чем-то владеет: кто заводом, кто – рудником или шахтой, кто – нефтяной скважиной и т.д. А тот, у кого ничего этого нет, обладает все-таки способностью к труду, рабочей

силой, которую он может продать желающему покупателю. Все люди считаются собственниками: «наше поколение забыло, - писал Фердинанд Хайек, - что система частной собственности – важнейшая гарантия свободы не только для владельцев собственности, но и для тех, у кого ее нет» (Хайек Ф. Дорога к рабству, с. 107).

Свободный рынок, на котором конкурируют частные собственники, - это и есть то, что либералы называют капитализмом. Представители либерализма объявляют капитализм наивысшей ступенью в развитии человеческого общества – ступенью, на которой возможны отдельные улучшения, но в целом социальное развитие человечества на этом заканчивается. «Если бы кого-нибудь, - замечает в этой связи Рональд Дворкин, - удалось убедить отказаться от капитализма, то он перестал бы быть либералом; если бы большинство либералов отказалось от капитализма, то либерализм утратил бы свое значение как политическая сила» (Дворкин Р. Либерализм. – Современный либерализм, с 50).

3. *Свобода.* – Как известно, Великая французская революция написала на своих знаменах воодушевляющий лозунг: «Свобода! Равенство! Братство!». Современные либералы, считающие себя наследниками Французской революции, продолжают говорить о свободе и равенстве, хотя братство куда-то незаметно исчезло.

Исайя Берлин различает два смысла, которые может иметь слово «свобода»: негативный и позитивный. Он выражается несколько туманно, поэтому я процитирую русского философа Е.Спекторского, поясняющего, что здесь имеется в виду: «У такой [социальной] свободы два смысла, отрицательный и положительный. Отрицательный ее смысл означает освобождение человека или целой группы людей от той или иной принудительной зависимости. Положительный смысл состоит в предоставлении людям возможности жить по собственному праву, без руководства и контроля» (Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997, с. 333). Практически все либеральные мыслители настаивают на том, что сфера свободы индивида не должна ограничиваться ничем – только сферой свободы другого индивида. Мало того, что индивид должен быть свободен от всяких внешних ограничений – со стороны общества, церкви, государства, либерализм не признает и внутренних ограничений свободы – со стороны нравственных принципов, ценностей и идеалов. В отрицательном смысле индивид либерализма абсолютно свободен.

Но *для чего* человеку нужна свобода? Когда либералы пытаются отвечать на этот вопрос, в их ответах начинает проявляться какой-то поистине беспредельный эгоизм. «Позитивное значение слова «свобода», - пишет И.Берлин, - проистекает из желания индивида быть хозяином своей

собственной жизни. Я хочу, чтобы моя жизнь и принимаемые мной решения зависели от меня, а не от действия каких-либо внешних сил. Я хочу быть орудием своего собственного волеизъявления, а не волеизъявления других людей. Я хочу быть субъектом, а не объектом; хочу, чтобы мной двигали мои собственные мотивы и осознанно поставленные цели, а не причины, воздействующие на меня извне. Я хочу быть кем-то: хочу быть деятелем, принимающим решения, и не хочу быть тем, за кого решают другие, я хочу сам собой руководить и не хочу подчиняться воздействию внешней природы или других людей...» (Современный либерализм, с. 30).

Хочу, хочу, хочу... - вот надоедливо повторяемый рефрен либеральной идеологии, и всякая попытка поставить какие-то пределы этому «хочу» сразу же объявляется покушением на святое – на свободу. Но чего же хочет либеральный индивид? Для чего ему свобода? Мы видели, что либеральный индивид – это атом, который свободен и хочет. Он владелец частной собственности и связан с другими индивидами лишь отношениями обмена. В эти отношения он вступает только с одной целью – получить для себя какую-то выгоду и конкурирует с другими индивидами за величину этой выгоды. Единственная цель такого индивида, единственный мотив его поступков, единственное, чего он хочет, - это личная выгода. Поскольку либерализм освобождает индивида от культуры, нравственности, семейных и дружеских связей, превращая его в животное, постольку на всех окружающих такой индивид смотрит лишь с одной точки зрения: а какую выгоду смогу я извлечь для себя из общения с ними? Животный инстинкт потребления – вот что руководит действиями такого индивида. И требование неограниченной свободы – это требование не мешать индивиду руководствоваться только своими биологическими инстинктами. По-видимому, этим и исчерпывается «позитивное» содержание либерального понимания свободы.

4. *Равенство*. – Как мне представляется, либерализм хотя и говорит о равенстве, но настолько извращает смысл этого понятия, что от равенства ничего не остается.

«Равенство все чаще интерпретировалось как «равенство возможностей», - пишут М. и Р.Фридман, - в том смысле, что никто не имеет права произвольно препятствовать другим индивидуумам в использовании их возможностей для достижения поставленных ими перед собой целей. Таков основной смысл, который и сейчас вкладывает в это выражение большинство граждан Соединенных Штатов» (Там же, с. 73). Мы видим, что сначала «равенство» интерпретируется как «равенство возможностей», а затем подменяется «равенством в использовании *своих* возможностей».

А ведь всем нам прекрасно известно, что никакого равенства возможностей – в смысле одинакового набора каких-то благ, имеющих у

каждого человека с момента рождения, не существует: один ребенок родился в бедной семье и у него нет возможности получить качественное образование, избрать ту сферу деятельности, которая ему нравится и в которой он наилучшим образом сумел бы проявить свои способности, и т.д.; у ребенка из состоятельной семьи все эти возможности имеются. Один родился в глухой деревушке, другой – в столице или крупном культурном центре; один – сын сенатора, другой – сын безработного. Ясно, что при равенстве использовать свои возможности, никакого равенства самих возможностей не существует и не может существовать, если сохраняется частная собственность и институт наследования.

Надо сказать, что Фридман это вполне осознает, но стремится оправдать: «...когда дети богатых родителей, - пишет он, - от рождения оказываются в привилегированном положении с остальными своими сверстниками – это несправедливо. Однако несправедливость в нашем мире может проявляться по-разному. Например, одним детям достается в наследство от родителей облигации, акции, дома и заводы; другие наследуют музыкальные способности, физическую силу, математическую одаренность; а третьи – ни того, ни другого. Наследование имущества представляет собой более очевидную мишень для критики, чем наследование таланта, но разве с моральной точки зрения между ними есть какая-то разница?» (там же, с. 83).

Мне кажется, в своей апологетике капитализма либеральные идеологи порой готовы отказаться даже от здравого смысла. Что же, Фридман не понимает разве, что между наследованием имущества и наследованием таланта имеется громадная разница именно с моральной точки зрения? Разнообразные способности – как и рост, цвет глаз или волос, форма носа – являются результатом случайной игры генов – игры, в которую человек только еще начинает вмешиваться. Наследование же имущества обусловлено общественными отношениями, нормами права, которые складываются в результате деятельности людей, поэтому то общественное устройство, при котором уже с рождения какие-то люди наделены определенными привилегиями, кажется большинству людей несправедливым. И в реализации унаследованного имущества и унаследованного таланта существует громадная разница. Получив в наследство имущество, я могу для его сохранения и преумножения нанять каких-нибудь «эффективных менеджеров», а сам буду пользоваться всеми благами жизни, не ударив пальцем о палец. А вот если я унаследовал только талант к какому-то виду деятельности, то мне самому нужно очень и очень много потрудиться, чтобы развить этот талант и реализовать его. Все это настолько очевидно, что неловко даже говорить об этом.

Следует ясно осознать, что либеральная философия принципиально отвергает равенство. Если главная цель всякого человека, с точки зрения

либерализма, заключается в стремлении к приобретению и сохранению материальных благ, к улучшению своего положения и на первом месте должна стоять свобода в достижении этой цели, то равенство – в обычном смысле равной доступности для всех социальных благ – невозможно. Признавая равенство всех людей, мы должны были бы признать справедливым такое распределение социальных благ, при котором каждый получает равную долю с другими; если же кто-то получает больше, то это должно быть заслужено – большими усилиями, большими способностями, большим вкладом в общее дело. Либерализм же говорит о равенстве только в том смысле, что люди должны иметь равные права стремиться к своим целям. Однако, признавая частную собственность, либерализм оправдывает неравенство стартовых условий у разных людей, следовательно, оправдывает неравенство в достигаемых ими результатах и, в конечном счете, – социальное неравенство.

Поэтому-то либеральные мыслители легко мирятся даже с сохранением остатков старого сословного неравенства во многих странах Европы. Королевская власть сохраняется в Англии, Нидерландах, Испании, Швеции и т.д. Что собой представляет палата лордов в Англии? – Феодалный институт, членами которого становятся по праву рождения! Всем известен принц Чарльз, наследник английского престола. В десятилетнем возрасте он был награжден орденом Подвязки, сейчас у него более двух десятков высших орденов разных стран. Он имеет воинское звание адмирала флота, маршала ВВС и фельдмаршала. За какие, спрашивается, заслуги? Но что-то я не видел, чтобы кто-то из англо-американских либеральных мыслителей обратил на это внимание.

5. *Этика либерализма.* – Яркий портрет человека либеральной идеологии создала в своих произведениях американская журналистка, писательница русского (увы!) происхождения Айн Рэнд (1905 – 1982). Для нас в данном случае интересно то, что Айн Рэнд попыталась создать этическую теорию, призванную представить морального оправдание свободного рыночного капитализма и сформулировать нравственные принципы, которыми должен руководствоваться либеральный индивид в своих отношениях к себе и к окружающим его людям. Пишет она ярко, хлестко, пренебрегая сдержанностью и корректностью, которые, в общем, характерны для американских интеллектуалов, однако выражает в своих сочинениях именно те идеи, которые они разрабатывают и пропагандируют в своих теоретических работах.

Человек для Рэнд – это, прежде всего и главным образом, биологический организм, руководствующийся инстинктом самосохранения. Главное для него – сохранить и благоустроить свою жизнь. «Физическое ощущение удовольствия – сигнал, показывающий, что деятельность организма

осуществляется в *правильном* направлении» (Рэнд А. Добродетель эгоизма. 2-е изд. М., 2012, с. 19). Отсюда понимание важнейших категорий этики: добро – то, что приносит удовольствие организму; зло – то, что ему вредит или уменьшает удовольствие.

Рэнд претендует на то, чтобы быть философом и строит особую этическую систему – «этику объективизма», согласно которой «главная задача морали – определить правильные ценности и интересы человека;... *забота о собственных интересах* – это сущность нравственного существования; и... *нравственные поступки должны приносить пользу самому человеку*» (там же, с. 10). Здесь мы видим, как рассуждения экономических либералов о том, что стремление к личной выгоде на рынке в конечном итоге приводит к выгоде для всех, возводится в ранг общего этического принципа.

Как следует относиться к другим людям? Здесь я вынужден привести длинную цитату: «Чтобы верно определить, - пишет Рэнд, - стоит ли помогать другому человеку и в каких случаях, нужно опираться на собственную рациональную заинтересованность и собственную иерархию ценностей: время, деньги или усилия, которые необходимо потратить, риск, на который необходимо пойти, должны быть пропорциональны ценности, которую представляет для вас другой человек. Покажем это на любимом примере альтруистов: вопросе о спасении тонущего. Если человек, которого требуется спасать, - незнакомец, то с моральной точки зрения спасать его стоит лишь в том случае, если опасность для вашей жизни минимальна; если риск велик, пытаться спасти его будет аморально: только неадекватно низкая самооценка может позволить человеку ставить свою жизнь не выше жизни любого случайного незнакомца» (там же, с. 55).

Человек живет и действует в обществе себе подобных. Рэнд это осознает. Но для нее общество – это просто механическая совокупность рядом живущих индивидов и не более того: «нет такой реальной сущности, как «общество», - утверждает она, - а общество – просто набор личностей» (там же, с. 15). Раз уж приходится жить среди других людей, то индивид Рэнд задается вопросом: что можно извлечь полезного для себя из общения с другими людьми? «Может ли человек извлекать какую-то личную выгоду из жизни в человеческом обществе? ... Две главные ценности, которые может обрести человек в общественной жизни, это знания и обмен» (там же, с. 38). И далее: «Принцип *обмена* – единственный разумный этический принцип для любых человеческих взаимоотношений, личных и общественных, частных и публичных, духовных и материальных. Это *справедливый* принцип» (там же, с. 37). Ну вот, рыночный обмен товарами и услугами возводится в ранг всеобщего этического принципа, регулирующего все отношения между людьми.

Экономические либералы всегда требовали освободить рынок от вмешательства государства. Для Рэнд общество – это один большой рынок, а все отношения между людьми сводятся к обмену. Поэтому ни в какие отношения между людьми государство вмешиваться не должно. «Единственное достойное, *моральное* предназначение правительства – это защита прав человека, то есть защита его от физического насилия, защита его права на жизнь, на свободу, на владение имуществом и на достижение счастья. Без права на собственность другие права не имеют смысла» (с. 40). – Вот это главное: правительство должно защищать собственников от посягательств со стороны тех, у кого никакой собственности нет. Никаких других обязанностей правительства Рэнд не признает: защита территории страны и ее культуры, защита стариков, калек, социальная помощь неимущим и т.п. – все это Рэнд считает аморальным.

Наконец, Рэнд прямо говорит о том, что ее цель – дать моральное оправдание капитализма. «Когда я говорю «капитализм», - пишет она, - я имею в виду полный, чистый, неконтролируемый капитализм свободного рынка, такой, при котором экономика отделена от государства так же и по тем же причинам, как отделена от государства церковь. Капитализм в чистом виде еще никогда не существовал, даже в Америке; та или иная степень государственного контроля подавляла и извращала его с самого начала. Капитализм – это не система прошлого; это система будущего – если у человечества вообще есть будущее». Едва ли здесь нужны какие-то комментарии.

6. Заключение.

Исходным пунктом либеральной философии является абстрактный индивид, лишенный каких-либо национальных, культурных, исторических черт. От человека либерализм оставляет только биологический организм, наделенный животными инстинктами – самосохранения, размножения и т.п.

Никакого общества как некоего органического целого, скрепленного общим языком, культурой, историей, семейными, родственными, дружескими и прочими связями, для либерализма нет. Существуют только обособленные, живущие рядом индивиды.

Единственное, что как-то связывает индивидов, - это отношения обмена: индивиды обмениваются какими-то благами, извлекая из этого взаимную выгоду. Весь мир мыслится как один большой рынок, на котором люди обмениваются товарами. Один варит мыло и обменивает его на шило, которое изготавливает другой. Каждый человек на этом рынке должен чем-то владеть, чтобы вступить в обмен. Если какой-то индивид ничем не владеет – чем-то таким, что он может обменять, то он должен умереть: ему нет места в либеральном обществе. Все является товаром – земля, вода, человеческий

труд, сам человек. Свободный рынок и частная собственность – краеугольные камни либеральной идеологии.

Высшей ценностью провозглашается свобода индивида. Человек имеет право преследовать любые цели и ни общество, ни государство, ни другие люди не должны препятствовать ему в этом.

Либерализм отвергает равенство людей. Люди, с его точки зрения, равны только в том смысле, что имеют равные права стремиться к достижению своих целей: негр имеет такое же право стремиться стать членом Конгресса, как и белый; живущий в трущобах мексиканец имеет такое же право стремиться стать миллиардером, как и родственник Рокфеллера. Равенство в мечтах – вот какое равенство допускает либерализм, но любую попытку внести в социальную жизнь какое-то реальное равенство в получении благ он категорически осуждает как покушение на свободу. Суть дела можно выразить так: и волкам, и овцам либерализм говорит: «Все вы имеете право питаться мясом, все вы равны». И когда волк пожирает овцу – это либерализм приветствует. Но когда овца пытается сопротивляться и требует защиты от волков, либерализм это осуждает как покушение на свободу.

Из основоположений либеральной идеологии с логической необходимостью (пока я не вижу ошибок в своих рассуждениях) следует, что либерализм – это проповедь индивидуалистического эгоизма хищников, проповедь, направленная на разрушение всех культурных связей между людьми, направленная вообще против всякой культуры, низводящая человека на уровень хищного животного. Если либерализм получит всеобщее распространение, то это приведет не только к уничтожению национальных культур, к распространению всеобщей безликой серости, это приведет к уничтожению человечества. Поэтому либерализм представляется мне гораздо опаснее фашизма.